
К ВОПРОСУ О ГИБЕЛИ ЕКИМЭУЦКОГО ГОРОДИЩА

Игорь Прохненко

Одним из наиболее исследованных памятников Молдовы эпохи средневековья является городище Екимэуць, планомерное изучение которого в 50-60-х гг. прошлого столетия проводились Прутско-Днестровской экспедицией. На площади более 0,3 га было выявлено значительное количество жилищ, хозяйственно-бытовых и производственных объектов, собрана солидная коллекция керамики и индивидуальных находок (Фёдоров 1953; 1974; Фёдоров, Чеботаренко 1974, 91-94). На основании анализа полученных материалов Г.Б. Фёдоров определил время создания памятника IX-X вв., а его гибель – первой половиной XI в. (Фёдоров 1953, 110; 1960, 181; 1974, 111). Обнаруженные предметы вооружения (70 наконечников стрел) и характер нападения позволили исследователю связать захват и уничтожение укреплений с кочевниками – печенегами. Стратиграфические наблюдения (отсутствие культурного слоя выше пожарища) свидетельствуют о том, что после поражения защитников городища жизнь на нём не возобновлялась (Фёдоров 1953, 107, 112-114).

Далее Т.В. Равдина (1988, 66, 67) указала, что Екимэуць и расположенное невдалеке Алчедарское городище, время существования которого не выходит за пределы X в., погибли в результате одного нашествия кочевников. Соответственно, было предложено пересмотреть датировку Екимэуць, ограничив её X в., а более конкретно – небольшим отрезком времени до 70-х гг. этого столетия. Справедливость выводов Т.В. Равдиной была признана рядом исследователей (Кашуба, Тельнов, Щербакова 1997, 55-57, 66; Михайлина 2007, 39).

Разногласия в определении даты уничтожения Екимэуць, которую можно отнести к одному из реперных событий средневековой истории населения Прутско-Днестровского междуречья, заставляют нас ещё раз обратиться к рассмотрению хроноиндикаторов памятника.

Наиболее точную информацию даёт нумизматическая коллекция, представленная 17 арабскими серебряными дирхемами. Последняя эмиссия из прочитанных монет, составляющая большинство на городище – чеканка Насра II (914-943 гг.) (Фёдоров 1953, 110, 123). В основе датировки Г.Б. Фёдоровым гибели Екимэуць первой половиной XI в. был факт тезаврации большинства этих монет в украшениях путём пробития в них двух отверстий. По правилам нумизматики, для определения времени поступления дирхемов на городище исследователь к последней цифре добавил 50-80 лет. Отметим, что в зарубежной литературе при хронологической атрибуции использования тезаврированных экземпляров дату их выпуска предлагается увеличивать не более чем на 30–35 лет (Langó 2007). Маловероятно, что за добавленные при установлении времени гибели Екимэуцкого городища более столетия, на ремесленный центр не попадали поздние дирхеми, несмотря на доминирование товарно-обменного характера торговли на Руси. Тем более, что интенсивное производство фиксируется именно в предшествовавший уничтожению памятника период. Необходимо учитывать и факт хождения серебряных номиналов на Руси не в качестве монет, а в качестве металла определённого веса – эквивалента ценности. Поэтому их «порча» не свидетельствует о выходе из употребления, что подтверждается значительным количеством разновременных монет в отдельных кладах (Корзухина 1954). Тезаврирование арабских номиналов на Руси не связано со смертью правителей, чьи имена отчеканены на монетах, и могло происходить ещё при их жизни. Следовательно, при датировке гибели Екимэуць на основании дирхемов к дате последних эмиссий нельзя добавлять значительный промежуток времени и говорить об уничтожении памятника позже второй половины X в., а наиболее вероятно, даже третьей четверти данного столетия.

В закрытые комплексы городища вместе с поздними номиналами дирхемов входили серьги с подвеской в виде виноградной грозди. Данный тип украшений выпускался на последнем этапе существования городища. Подтверждающие этот факт материалы ювелирной мастерской, сгоревшей во время захвата вместе с хозяином (Фёдоров 1953, 117, 122), позволяют рассматривать серьги в качестве одного из основных хроноиндикаторов разгрома памятника.

Исходя из количества и стратиграфии находок, данная продукция выпускалась на протяжении незначительного промежутка времени. Учитывая период существования жилищ с конструкцией, подобной указанной ювелирной мастерской городища, фактор моды на определённые изделия, генезис ювелирного дела, незначительное количество отремонтированных экземпляров, а также обращая внимание на то, что эти украшения легко ломались, можно предположить, что данные серьги выпускались в Екимэуць не более двух–трёх десятилетий, предшествующих уничтожению памятника.

В отечественной специальной литературе они получили название серьги «волынско-го типа», так как большинство находок (до обнаружения в Екимэуць) происходили с Волыни (Дзис-Райко 1959, 83), в том числе с Борщевского клада 1883 г. (Корзухина 1954, 85) и Пересопницкого могильника (Линка-Гепшенер 1948, 190). В работах зарубежных исследователей такие серьги определены как «токайский» тип (Istvánovits 2003, 287, 288) по находке нескольких подобных украшений в Токайском «кладе» (Венгрия) (Mesterházy 1994, 193-242). Хотя на данный момент продолжают употребляться разные названия (токайский, волынский, екимэуцкий тип), будем использовать последнее, исходя из расположения единственной известной мастерской по их производству на Екимэуцком городище (Фёдоров 1953, 122). Изготовление серёг в Екимэуць, как одном из основных мест по выпуску данной продукции, подтверждается не только открытием мастерской ювелира, в которой обнаружен набор инструментария и готовые серьги, а также их значительным количеством на городище – 32 экземпляра (Фёдоров 1953, 122; Дзис-Райко 1959, 83). Дополнительным

свидетельством производства именно здесь этих серёг выступает факт профессионального ремонта отдельных екимэуцких экземпляров (Дзис-Райко 1959, 83).

На расположенных неподалёку от Екимэуць памятниках Прутско-Днестровского междуречья подобные украшения известны в незначительном количестве (городище Алчедар, Брэнештский могильник), а в Серето-Прутском междуречье – на могильнике Рэдукань (Istoria 2001, fig. 39/5, 8; 42/12-13). Возможно, с проникновением части населения из Приднестровья через Восточные Карпаты связаны находки серёг екимэуцкого типа на памятниках X в. Румынии – Бландиана, Гымбаш, Клуж (Фёдоров, Полевой 1973, 318, 320-321).

В более значительном количестве эти украшения известны на территориях к северу и северо-западу от производящего центра в Екимэуць. За исключением погребений Киевского некрополя (Дзис-Райко 1959, 84), они представлены в материалах кладов (Копеевский 1928 г., Гнёздовский 1868 г., Юрковецкий 1864 г., Борщевский 1883 г., Денисовский 1912 г.). Дату Копеевского, Юрковецкого и Борщевского кладов Г.Ф. Корзухина (1954, 22, 38, 73) определяет второй половиной X в. или рубежом X-XI вв.

Копеевский клад, в котором найдено 27 серёг екимэуцкой схемы, в отличие от Юрковецкого и Борщевского, имеет значительное количество нумизматических хроноиндикаторов. Это более 500 дирхемов 549-954/955 гг. Из них 108 с отверстиями, в подвески переделаны все четыре дирхема VI-VIII вв. и ряд номиналов между 836 и 952 гг. Большая часть монет (416) относится ко времени Саманидов (с 896 по 954/5 гг.). Отдельно отметим два серебряных слитка в виде палочек, незначительное количество которых характерно для кладов X в. (Корзухина 1954, 22). Н. Линка-Гепшенер (1948, 188), И.Г. Шовкопляс (1957, 309) относят этот клад к концу X - началу XI вв. Полагаем, что хроноиндикаторы позволяют ограничить закапывание клада второй половиной X в. В отличие от других, Копеевский клад содержит наибольшее количество серёг екимэуцкой схемы и вместе с Юрковецким находится ближе к Екимэуць. Хронологическая близость его последних эмиссий дирхемов с екимэуцкими свидетельствует о возможной синхронности

закапывания клада и уничтожения городища в результате одного проникновения кочевников.

Подобная хронологическая ситуация прослеживается с арабскими монетами (последние эмиссии 904/5-953/4 гг.) в Гнёздовском кладе – самом северном месте нахождения серёг екимэуцкого типа.

Своим более поздним нумизматическим материалом, в сравнении с другими кладами с серьгами, выделяется Денисовский клад 1912 г. – единственный, найденный на Левобережье Днепра. В него входило 5400 целых и в обломках монет хронологического диапазона 805/6–1002/26 гг. (Корзухина 1954, 85). Клад расположен в стороне от упомянутых, датируется XI в. и обладает характерными чертами северо-западных кладов (Корзухина 1954, 22). Отличается он от остальных не только датой, но и тем, что все обнаруженные в нём серьги происходят от разных пар и поломаны. Состояние находок свидетельствует об использовании их не как украшений, а как серебряного лома, важного для его собственника исключительно из-за веса.

Остальные находки серёг демонстрируют их распространение в западном направлении от Екимэуць и делятся на две группы: за пределами Карпатской дуги и внутри неё. Артефакты первой группы классифицированы М. Дековной (1979, 149) как вариант трёх серёг с подвеской в виде виноградной грозди. Известны они в ряде пунктов Польши (Завада Ланскоронска, Краков, Лисовек, Олесница, Осница, Перемышль, Тшиница), где датируются X – началом XI в. (Dekówna 1979, 155).

Картографирование находок екимэуцкой схемы свидетельствует об их особенной концентрации в бассейне р. Тисы (рис. 1-2). В отличие от экземпляров, обнаруженных за пределами Карпатского бассейна, как правило, известных по материалам кладов, практически все серьги екимэуцкой схемы внутри Карпатской дуги связаны с кочевническими погребениями. Оружие, подобное входящему в захоронения некрополей этих номадов, известно также из Екимэуць, что в комплексе с другими параллелями материальной культуры позволяет предположить участие в разгроме городища кочевого населения, переместившегося с Се-

верного Причерноморья в Карпатскую котловину.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что проникновение значительной группы кочевников со степи через Прикарпатье в Верхнее Потисье создаёт логическую цепочку развития событий: от разгрома Екимэуцкого городища и закапывания кладов на Волыни до проникновения номадов на запад и северо-запад. Хронологически захват Екимэуць является более ранним событием, чем прибытие совершивших его кочевников в Верхнее Потисье. В связи с этим подробнее рассмотрим инвазию номадов за Карпаты.

Данное перемещение населения нашло отражение в закладке захоронений второй половины X в. в Нижних Воротах, Пидполозье, Сваляве, Оросиеве, Берегове, Земплине, Чоме, Сигетуль-Мармацией, Стреде над Бодрогом, Вечи, Добре и т.д. В научную литературу эти памятники ошибочно были введены как древности угров периода *обретения родины*. Анализ погребального инвентаря, в первую очередь арабских дирхемов, позволил ограничить датировку памятников временем не ранее середины X в., а более конкретно – 961 г. и поставить вопрос о пересмотре их племенной принадлежности. Картографирование групп находок, входящих в состав погребальных комплексов, в том числе дирхемов и серёг екимэуцкого типа (рис. 1; 3), чётко указывает на передвижение номадов с Причерноморья через Волынь и Молдову в Прикарпатье, и далее – на земли Польши и Верхнего Потисья. В Северном Причерноморье, по данным письменных источников, в X в. кочевали исключительно печенежские орды. Это позволяет отождествить памятники номадов Верхнего Потисья именно с печенегами. Современные данные о локализации этих племён в Карпатском ареале севернее угров совпадают со сведениями Константина Багрянородного (12, 36) и позволяют сделать вывод, что византийский император не ошибся в своих выводах о расположении орд пачинакитов (печенегов – *И.Л.*). Остаются вопросы лишь при конкретизации датировки их переселения в Верхнее Потисье. Трактат «Об управлении империей» был завершён к 955 г., а по археологическим источникам проникновение печенегов, правда, если оно не проходило в несколько этапов,

Рис. 1. Карта распространения серёжек екипажского типа в Европе:

- 1 - Алчедар;
- 2 - Бесоб; 3 - Бландиана; 4 - Борщевка; 5 - Бранешты;
- 6 - Вац-Хейткаполна; 7 - Гымбаш;
- 8 - Гнёздово; 9 - Денис; 10 - Деге;
- 11 - Екимауцы;
- 12 - Завада Ланско-ронска; 13 - Ибрань;
- 14 - Киев; 15 - Киро-воград;
- 16. Киштокай;
- 17 - Клуж; 18 - Коце-евка; 19 - Краков;
- 20 - Лисовек;
- 21 - Ниредьхаза;
- 22 - Нодькевешд;
- 23 - Олесница;
- 24 - Осница;
- 25 - Перемьшль;
- 26 - Пересоппица;
- 27 - Прша;
- 28 - Рэдукэни;
- 29 - Саболч-Вонго-топарт;
- 30 - Сентеш-Сентгласло;
- 31 - Соб;
- 32 - Тереканижа;
- 33 - Тисабержел;
- 34 - Тшиница;
- 35 - Ужгородский р-н (?); 36 - Чома;
- 37 - Чонград;
- 38 - Юрковцы.

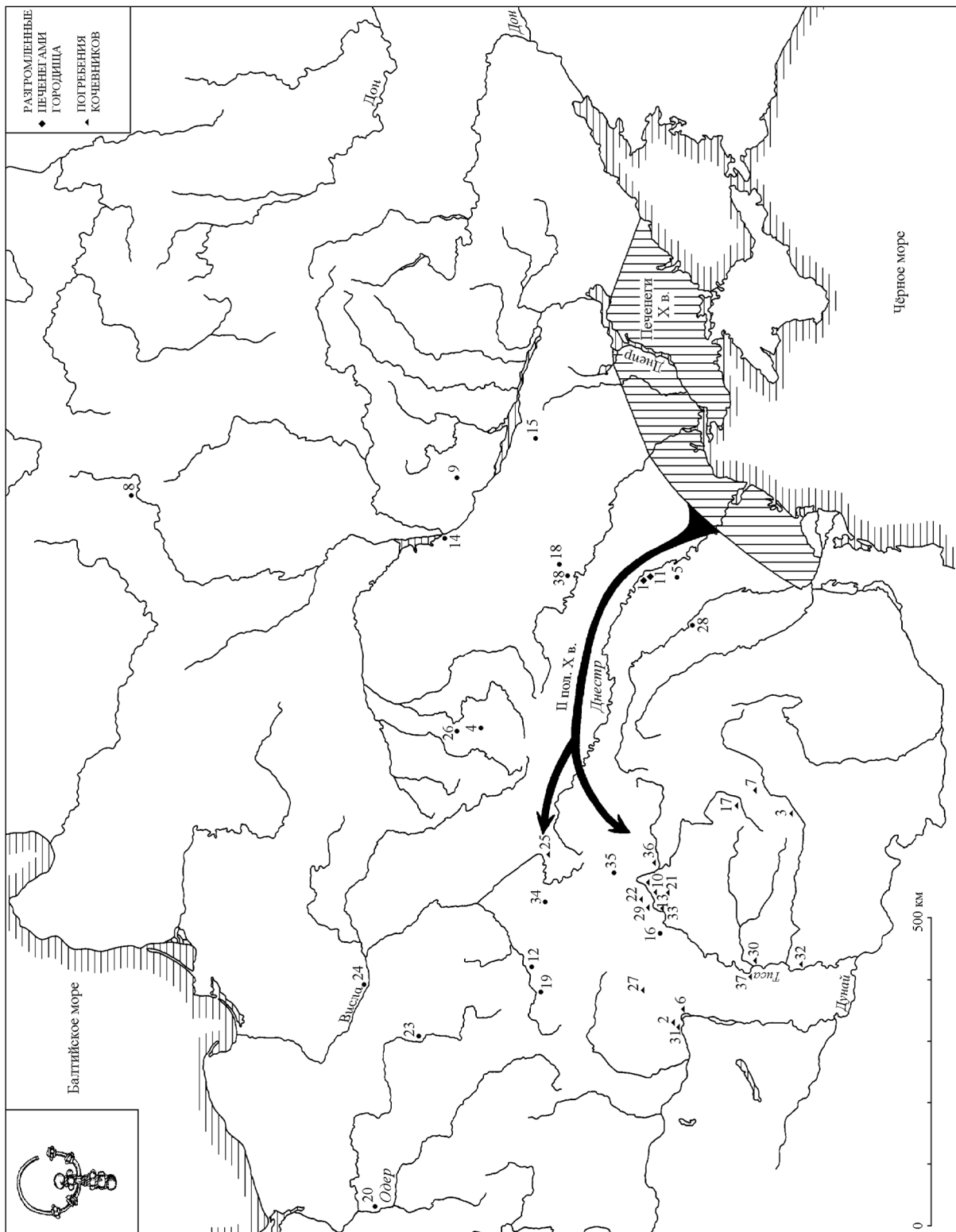

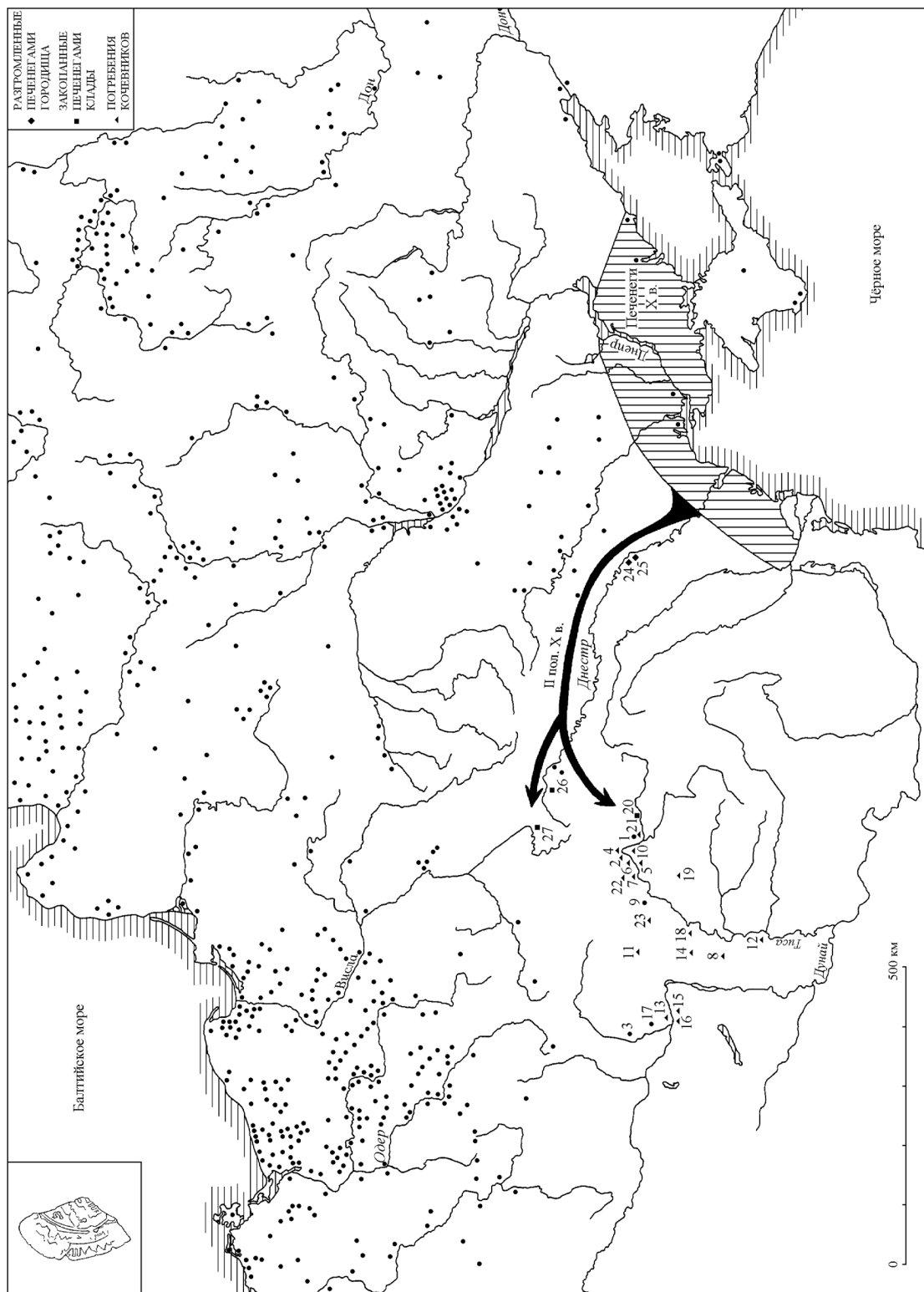
Рис. 2. Серёжки екимэуцкого типа из погребений кочевников в бассейне р. Тисы: 1-8 - Чома; 9 - Дёге; 10 - Тисаберцел; 11-12 - Ибрань. 9-12 (по Э. Иштванович).

датируется не ранее 60-х гг. X в. Наиболее вероятно, что свидетельства о локализации части печенежских племён внутри Карпатской дуги были вставлены в Парижскую редакцию произведения (XI в.) после смерти императора, когда изменились реалии размещения отдельных племён Европы.

Здесь следует обратиться и к сведениям венгерского хрониста Анонима. Он упоминает поселение значительного количества бешенев

(печенегов - *И.П.*) вождём Золтом на северо-востоке Венгрии с целью защиты страны в то время, когда угры прекратили продвижение на запад и осели в Карпато-Дунайском ареале, то есть после 955 г. (*Gesta* 2005, 58). Скорее всего, Аноним допустил ошибку, связав события с Золтом, время правления которого не выходит за пределы первой половины X в.

Данные археологии и письменных источников о проникновении в Карпатский бассейн

- 1 - Берегово (Буча); 2 - Веч;
- 3 - Глоговец; 4 - Добра; 5 - Ибрань;
- 6 - Карош;
- 7 - Кенезлэ;
- 8 - Кекемет;
- 9 - Киштокай;
- 10 - Пап;
- 11 - Прша;
- 12 - Сегед;
- 13 - Силаш;
- 14 - Сольнок;
- 15 - Сомод;
- 16 - Тата;
- 17 - Твырдоповце;
- 18 - Тисашой;
- 19 - Хайдудорог;
- 20 - Хустский р-н;
- 21 - Чома;
- 22 - Шарошпотог;
- 23 - Эгер;
- 24 - Алчедар;
- 25 - Екимауцы;
- 26 - Галич;
- 27 - Перемышль.

Рис. 3. Карта распространения арабских дирхемов в Европе (по Ч. Балингу) с конкретизацией пунктов, связанных с передвижением печенегов из Северного Причерноморья в Карпатский бассейн во второй половине X в.:

печенегов во второй половине X в. находят подтверждение в значительном количестве топонимов печенежского происхождения на северных территориях и сохранении здесь печенежской ономастики вплоть до XIII в. (Немет 1972, 211, 213, 214). Дополнительным свидетельством присутствия печенегов в регионе служит анализ народного творчества, насыщенного историями о бешенёвцах.

Нельзя оставить без внимания причины, вызвавшие переселение печенегов в Верхнее Потисье непопулярным для кочевых народов маршрутом – через Карпатские перевалы. Середина и вторая половина X в. в Европе характеризуются важными историческими событиями. Это и поражение угров, ознаменовавшее завершение их экспансии в Европе (955 г.), и уничтожение хазарского каганата Святославом (965 г.), и византийско-болгарская, византийско-русская войны с участием угров и печенегов и т.д. Как одна из возможных причин, заставивших печенегов выйти на северные окраины венгров, рассматривается их конфликт с Киевской Русью. Более конкретно – это мог быть ряд ударов, нанесённых печенегам князем Владимиром (978-1015 гг.) в конце X в. после гибели от их рук Святосла-

ва. Причина движения кочевников в Верхнее Потисье через Верецкий перевал могла быть вызвана и внутренними конфликтами в степи, особенно после проникновения в 60-х гг. X в. в Северное Причерноморье очередной значительной волны номадов. Не исключена и роль в этих событиях половцев, после разгрома Хазарского каганата вплотную приблизившихся к кочевьям печенегов.

О том, что отход печенегов за Карпаты сопровождался серией ударов по их разрозненным контингентам, свидетельствует ряд кладов, оставленных ими перед и непосредственно после перехода гор – Галич, Перемышль, Хуст (рис. 3).

В заключение отметим, что датировка передвижения печенегов в Верхнее Потисье не позволяет датировать уничтожение Екимэуцкого городища позднее третьей четверти X в., что подтверждается анализом хроноиндикаторов из этого укрепленного пункта. Также вероятна синхронность указанных событий со смертью князя Святослава, о чём свидетельствует нахождение в погребальных комплексах Верхнего Потисья вместе с тиверскими украшениями значительного количества инвентаря русского происхождения.

Библиография

- Багрянородный 1982:** Константин Багрянородный, Об управлении империей. В сб.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья (Москва 1982), 267-320.
- Дзис-Райко 1959:** Г.О. Дзис-Райко, Ювелірни вироби слов'ян Подністров'я (за матеріалами Одеського археологічного музею). Праці Одеського державного університету ім. І.І. Мечникова. Серія історичних наук (Одеса) 149, 7, 1959, 81-87.
- Кашуба, Тельнов, Щербакова 1997:** М.Т. Кашуба, Н.П. Тельнов, Т.А. Щербакова, Алчедарское древнерусское поселение (раскопки 1987-89 гг.) (Тирасполь 1997).
- Корзухина 1954:** Г.Ф. Корзухина, Русские клады IX-XIII вв. (Москва-Ленинград 1954).
- Лінка-Геппенер 1948:** Н. Лінка-Геппенер, Копіївський скарб. Археологія (Київ) II, 1948, 182-191.
- Михайлина 2007:** Л. Михайлина, Слов'яни VIII-X ст. між Дніпром і Карпатами (Київ 2007).
- Немет 1972:** П. Немет Образование пограничной области Боржавы. В сб.: Проблемы археологии и древней истории угров (Москва 1972), 206-220.
- Равдина 1988:** Т.В. Равдина, О датировке городища Алчедар. В сб.: Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья (Кишинёв 1988), 54-71.
- Фёдоров 1953:** Г.Б. Фёдоров, Городище Екимауцы. КСИИМК L, 1953, 104-126.
- Фёдоров 1960:** Г.Б. Фёдоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. МИА 89, 1960.
- Фёдоров 1974:** Г.Б. Фёдоров, Древнерусская культура Поднестровья. В сб.: Древняя культура Молдавии (Кишинёв 1974), 109-149.
- Фёдоров, Полевой 1973:** Г.Б. Фёдоров, Л.Л. Полевой, Археология Румынии (Москва 1973).
- Фёдоров, Чеботаренко 1974:** Г.Б. Фёдоров, Г.Ф. Чеботаренко, Памятники древних славян (VI-VIII вв.). Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 6 (Кишинёв 1974).

- Шовкопляс 1957:** І.Г. Шовкопляс, Археологічні дослідження на Україні (1917-1957) (Київ 1957).
- Bálint 1981:** Cs. Bálint, Einige fragen des dirhem-verkehrs in Europa. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae XXXIII, Budapest 1981, 105-131.
- Dekówna 1979:** M. Dekówna, Remarques sur la genèse de certains types de bijoux d'argent trouvés dans les trésors polonais du Moyen Âge. Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave, Bratislava, 7-14 septembre 1975, 1, Bratislava 1979, 145-164.
- Gesta 2005:** Gesta Hungarorum. Літопис Анонімуса про діяння угорців під час пошуків і віднайдення Батьківщини / пер. з лат. та угор. К.Найпавера (Ужгород 2005).
- Istoria 2001:** Istoria românilor. Genezele românești, III (București 2001).
- Istvánovits 2003:** E. Istvánovits, A rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékanyaga (Nyíregyháza 2003).
- Langó 2007:** P. Langó, Amit elrejt a föld... A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében (Budapest 2007).
- Mesterházy 1994:** K. Mesterházy, Az ún. tokaji kincs revíziója. Folia Archaeologica XLIII, 1994, 193-242.

Unele considerații cu privire la distrugerea cetății de la Echimăuți

Rezumat

Dintre monumentele medievale din spațiul pruto-nistrean, după gradul de cercetare, se evidențiază cetatea de la Echimăuți. Însă, unele divergențe legate de data distrugerii ei (a doua jumătate a sec. X sau prima jumătate a sec. XI) impun o revizuire a indicatorilor cronologici ai monumentului.

Cea mai precisă informație o oferă colecția numismatică reprezentată de 17 dirhemi de argint, care ne permite să vorbim despre cucerirea și distrugerea cetății nu mai târziu de a doua jumătate a sec. X, sau mai precis al treilea sfert al secolului.

Alte piese, utilizate în calitate de indicatori cronologici, sunt cerceii în formă de struguri, descoperiți în complexe închise împreună cu dirhemii târzii.

Cartarea descoperirilor similare celor de la Echimăuți a scos în evidență o concentrare a lor în bazinul r. Tisa (fig. 1, 3). Spre deosebire de exemplarele descoperite în afara Arcului Carpat, provenite de regulă din tezaure, cerceii de tip Echimăuți din spațiul intracarpatic au fost descoperiți în înmormântări ale nomazilor. Armamentul atestat în aceste înmormântări, la rândul său, se întâlnește și în cetatea de la Echimăuți. Aceste descoperiri, dar și alte analogii în cultura materială permit să presupunem că la distrugerea cetății de la Echimăuți au participat nomazii, care plecaseră din nordul Mării Negre și se îndreptau spre Arcul Carpat. Migrația pecenegilor în regiunea Tisei Superioare a urmat după distrugerea cetății Echimăuți, eveniment care a avut loc nu mai târziu de al treilea sfert al sec. X.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Harta răspândirii cerceilor de tip Echimăuți în Europa: 1 - Alcedar; 2 - Besob; 3 - Blandiana; 4 - Borschevka; 5 - Brănești; 6 - Vác-Hétkápolna; 7 - Gîmbaș; 8 - Gnezdovo; 9 - Denis; 10 - Döge; 11 - Echimăuți; 12 - Zavada Lanskoronska; 13 - Ibrány; 14 - Kyiv; 15 - Kirovograd; 16 - Kistokaj; 17 - Cluj; 18 - Kopeevka; 19 - Cracovia; 20 - Lisovek; 21 - Nyíregyháza; 22 - Nagykövesd; 23 - Olesnica; 24 - Osnica; 25 - Peremishl; 26 - Peresopnica; 27 - Prsha; 28 - Redukeny; 29 - Szabolcs-Vontatópart; 30 - Szent-Szentlászló; 31 - Szob; 32 - Törökkanizsa; 33 - Tiszabercel; 34 - Tshinica; 35 - Uzhgorod (?); 36 - Csoma; 37 - Csongrád; 38 - Jurkovci.

Fig. 2. Cercei de tip Echimăuți din înmormântările nomazilor din bazinul r. Tisa: 1-8 - Csoma; 9 - Döge; 10 - Tiszabercel; 11-12 - Ibrány. 9-12 (după E. Istvanovits).

Fig. 3. Harta răspândirii dirhemilor arabi în Europa (după Cs. Balint) cu concretizarea punctelor, legate de deplasarea pecenegilor din nordul Mării Negre în Bazinul Carpat în sec. X: 1 - Beregovo (Búcsu); 2 - Vécis; 3 - Glogovec; 4 - Dobra; 5 - Ibrány; 6 - Karos; 7 - Kenézlő; 8 - Kecskemét; 9 - Kistokaj; 10 - Pap; 11 - Prsha; 12 - Szeged; 13 - Szilas; 14 - Szolnok; 15 - Szomod; 16 - Tata; 17 - Tverdoshovce; 18 - Tizzasüly; 19 - Hajdúdorog; 20 - Hust; 21 - Csoma; 22 - Sárospatak; 23 - Eger; 24 - Alcedar; 25 - Echimăuți; 26 - Galich; 27 - Peremishl.

On the question of destruction of the hill-fort of Echimauti

Abstract

This hill-fort is one of the most researched among the medieval monuments of the country between the Prut and Dniester. Contradictions in identification of the date of its destruction (second half of the 10th or the first half of the 11th century) make us to examine chronologic indicators of the monument.

The numismatic collection represented by 17 Arabic silver dirhams gives the most exact information. It allows us to attribute the capture and destruction of the monument to the second half of the 10th century, and most likely to the third quarter of this century.

Earrings with pendant in the form of bunch of grapes can be used as one more category of objects which indicate the time of destruction of the monument. They were found out in closed complexes of the hill-fort together with later samples of dirhams.

Cartography of the finds of Echimauti type testifies about their particular concentration in the basin of the river of Tisza. In contrast to samples which were found outside the Carpathian basin, famous as a rule by materials of hoards, practically all earrings of Echimauti type inside the Carpathian arc are connected with nomadic burials.

Pieces of weapon similar to those from the nomadic necropolises were found in Echimauti. Together with other evidences in the field of material culture, it allows us to suppose that nomads took part in destruction of the hill-fort while moving from the Northern Black Sea region into the Carpathian lowlands.

Historic situation and the exact chronology of the Pechenegs' movement from the Black sea to the Upper Tisza region, during which the hill-fort of Echimauti was ruined, together with chronologic indicators of the monument, allows us to date its destruction not later than the third quarter of the 10th century.

List of illustrations:

Fig. 1. The map of location of earrings of the Echimauti type in Europe: 1 - Alcedar; 2 - Besob; 3 - Blandiana; 4 - Borschevka; 5 - Brănești; 6 - Vác-Hétkápolna; 7 - Gímbaş; 8 - Gnezdovo; 9 - Denis; 10 - Döge; 11 - Echimauti; 12 - Zavada Lanskoronska; 13 - Ibrány; 14 - Kyiv; 15 - Kirovograd; 16 - Kistokaj; 17 - Cluj; 18 - Kopeevka; 19 - Cracovia; 20 - Lisovek; 21 - Nyíregyháza; 22 - Nagykövesd; 23 - Olesnica; 24 - Osnica; 25 - Peremyshl'; 26 - Peresopnica; 27 - Prsha; 28 - Redukeny; 29 - Szabolcs-Vontatópart; 30 - Szentcs-Szentlászló; 31 - Szob; 32 - Törökkanizsa; 33 - Tiszabercel; 34 - Tshinica; 35 - Uzhgorod (?); 36 - Csoma; 37 - Csongrád; 38 - Jurkovci.

Fig. 2. Earrings of the Echimauti type from the burials of nomads in the basin of Tisza: 1-8 - Csoma; 9 - Döge; 10 - Tiszabercel; 11-12 - Ibrány. 9-12 (after E. Istvanovits).

Fig. 3. The map of location of the arabic dirhams in Europe (after Cs. Balint) with indication of the points associated with the movement of Pechenegs from the Northern Black Sea region to the Carpathian basin in the second half of the 10th century: 1 - Beregovo (Búcsu); 2 - Vécs; 3 - Glogovec; 4 - Dobra; 5 - Ibrány; 6 - Karos; 7 - Kenézlő; 8 - Kecskemét; 9 - Kistokaj; 10 - Pap; 11 - Prsha; 12 - Szeged; 13 - Szilas; 14 - Szolnok; 15 - Szomod; 16 - Tata; 17 - Tverdoshovce; 18 - Tizzasüly; 19 - Hajdúdorog; 20 - Hust; 21 - Csoma; 22 - Sárospatak; 23 - Eger; 24 - Alcedar; 25 - Echimauti; 26 - Galich; 27 - Peremyshl'.

17.05.2011

Др. Игорь Прохненко, Ужгородский национальный университет, ул. Университетская, 14, 88000 Ужгород, Украина, e-mail: arhlab@mail.ru

